Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 4. С. 132–141
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-4-132-141
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 4, 2025, 132–141
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

О. А. Линдеберг

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ДВУХ РАССКАЗОВ АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА ИЗ ЦИКЛА «СЕМИДНЕВЕЦ»

Olga A. Lindeberg

THE ISSUE OF THE SOURCES OF TWO STORIES BY ALEXEI REMIZOV FROM THE CYCLE *SEMIDNEVETS*

Резюме. Статья основана на неопубликованной переписке двух друзей Алексея Ремизова с историком и юристом Иваном Рязановским. Письма затрагивают обстоятельства частной жизни корреспондентов, а также повествуют о бурных событиях лета 1917 г. в Петрограде. Рассказы Рязановского, в то время служившего в петроградской тюрьме «Кресты», посвящены описанию бунта анархистов 18 июня 1917 г., свидетелем которого он являлся, и мрачным предположениям о собственном будущем. Также он делится своими наблюдениями над нравами и обычаями повседневной тюремной жизни арестантов и служащих. Письма и беседы друзей послужили Ремизову материалом для создания двух произведений — «Крестовая барышня» и «Изошел», — посвященных «тюремной» теме и позднее включенных в книгу «Шумы города» (Ревель: Библиофил, [1921]). Эти рассказы, написанные «в кипень и неизвестность» революционных дней в Петрограде, продолжают линию, начатую «Крестовыми сестрами», и повествуют о жизни маленьких людей с их переживаниями, надеждами и разочарованиями.

Ключевые слова: Алексей Ремизов, Иван Рязановский, «Семидневец», Петроград, переписка, «тюремная» тема

Информация об авторе: Ольга Александровна Линдеберг, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, olinde08@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8737-618X.

Для цитирования: *Линдеберг О. А.* К вопросу об источниках двух рассказов Алексея Ремизова из цикла «Семидневец» // Словесность и история. 2025. № 4. С. 132–141. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-4-132-141

Abstract. The article is based on the unpublished correspondence of two friends, the writer Alexei Remizov and the historian and lawyer Ivan Ryazanovskiy. The letters touch on the circumstances of the correspondents' private lives and recount the turbulent events of the summer of 1917 in Petrograd. Ryazanovskiy's stories, which he wrote in the Petrograd prison "Kresty" where he was incarcerated at that time, revolve around the description of the anarchist riot of June 18, 1917, which he witnessed, and around his gloomy assumptions about his own future. Ryazanovskiy also shares his observations about the morals and customs of everyday prison life that he observed among prisoners and employees. The letters and conversations of the two friends became the basis of Remizov's two works *Krestovaya baryshnya* and *Izoshel*, which were dedicated to the "prison" theme and later were included in the book *Noises of the City* (Revel: Bibliophile, [1921]). Written "in the turmoil and uncertainty" of the revolutionary days in Petrograd, these stories continue the line that originated in *Krestovye sestry* and describe the lives of little people, along with their experiences, hopes and disappointments.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

Keywords: Alexey Remizov, Ivan Ryazanovsky, *Semidnevets*, Petrograd, correspondence, "prison" theme

Information about the author: Olga A. Lindeberg, Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, olinde08@gmail.com; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8737-618X.

For citation: Lindeberg, O. A. (2025). 'The Issue of the Sources of Two Stories by Alexei Remizov from the Cycle *Semidnevets*', *Slovesnost' i Istoriia* [*Texts and History*], 4, 132–141. https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-4-132-141

Цикл «Семидневец» состоит из рассказов, написанных в 1917–1919 гг. Впервые цикл был опубликован в книге «Шумы города» [Шумы города]. В предисловии Ремизов писал: «Я расскажу несколько рассказов, собранных мною у ворот и в подворотне „Семеновского скита“ на Васильевском острове, когда, стоя на ночном дежурстве, мы коротали тревожные часы серебряного мая и золотого сентября 19-го года — поры опасной для Петербурга. Семеновский скит многокелейный, скитников много и всякие, и рассказы их разноладны» [Зга, с. 346].

Сюжеты двух рассказов этого цикла родились из переписки, затрагивающей обстоятельства частной жизни корреспондентов и повествующей о бурных событиях лета 1917 г., а также из личного общения писателя с его другом и консультантом историком и юристом И. А. Рязановским.

Иван Александрович Рязановский (1869–1927) — историк-архивист, юрист, искусствовед, коллекционер рукописей, редких изданий, предметов народного быта, один из организаторов костромского Романовского музея. Ремизов со времени их знакомства и вплоть до отъезда из Советской России нередко обращался к Рязановскому за справочно-библиографическими материалами, книгами и рукописями. Рассказы Ивана Александровича о русской провинции неоднократно давали писателю источники новых сюжетов. На них основаны повести «Неуемный бубен» (1910), «Пятая язва» (1912). При создании цикла «Сказаний о Святой Софии Царьградской» (1915) писатель обращался к нему за советом и помощью. Повесть «Печать львова» (1918) основана на семейной истории предков Рязановского.

В книге «Подстриженными глазами» Ремизов вспоминал о своем друге: «...во все наши петербургские годы: в предгрозные сумерки салонного „богоискательства“ ⟨…⟩ и в распутинскую войну и в смутные обнадеживающие керенские дни революции и, особенно, в беспросветные вечера опыта механизации живой человеческой жизни, Рязановский был нашим всегда желанным и неизменным, верным гостем» [Иверень, с. 132–133].

Писатель отмечал характерную черту архивиста: «При всех своих необозримых познаниях в истории и археологии, Рязановский ⟨...⟩ в жизнь не на-

писал ни одной строчки — явление едва ли не наше только, русское! — но изустному слову которого обязаны в своем чисто „русском“, что останется навсегда, и Чехонин и Кустодиев, а через Кустодиева Замятин, ⟨...⟩ знаю, что и М. М. Пришвин добрым словом вспоминает „костромского старца“, и для Г. К. Лукомского имя „Рязановский“ не безразлично» [Иверень, с. 131–132]. Рязановский и сам признавался в этом своем качестве: «Многое хотелось бы рассказать Вам обоим, но совсем не могу писать, не умею»[1].

Летние месяцы 1917 г. Ремизовы провели в разъездах. 30 мая они выехали из Петрограда к семье Серафимы Павловны в Берестовец Черниговской губернии, где проживала их дочь Наташа, затем навестили мать Алексея Михайловича в Москве, а весь август и начало сентября провели в санатории в Ессентуках. На время отсутствия за их квартирой, расположенной на 14-й линии Васильевского острова, присматривал И. А. Рязановский и периодически присылал им отчеты.

Из-за нестабильной обстановки в революционном Петрограде Ремизовы, находясь в отъезде, очень беспокоились о состоянии своего жилища. Кроме того, Серафиме Павловне показалось, что в квартире остались самовары с не вылитой из них водой, и теперь она боялась появления в них ржавчины. Начиная уже с 2 июня Ремизов неоднократно обращался к Рязановскому с просьбой проверить состояние квартиры, и особенно злосчастных предметов домашней утвари: «...посмотрите, пожалуйста, опорожнены ли самовары (один на кухне, другой пузатый в столовой)»[2]. Как можно себе представить, почта не отличалась особой быстротой, возможно, письма в дороге задерживались, а Рязановский первое письмо с отчетом отправил только 29 июня. Из-за отсутствия известий тревога Серафимы Павловны возрастала, отсюда увеличивалась напряженность, которая затрагивала и ее супруга. В «Дневнике 1917–1921» Ремизов записал: «9. VI. ⟨...⟩ и опять о полотенцах, которых мало взяли с собой ⟨...⟩ и о невытряхнутых самоварах, а вообще о моей куриной памяти и прегрешениях вольных и невольных» [Взвихренная Русь, с. 525]. О том же свидетельствует и запись от 27 июня: «Вчера вечером началась жесточайшая пилка, коя возобновилась с утра. ⟨...⟩ Все потому, что из дому нет вестей. Ив⟨ан⟩ Ал⟨ександрович⟩ Ряз⟨ановский⟩ клялся и божился приходить каждую неделю и писать. И прислал всего 1 письмо, да не из квартиры. И как в воду. ⟨...⟩ Вины мои вот в чем: 1) доверился Ив⟨ану⟩ Ал⟨ександровичу⟩, а надо, чтоб швейцаровские девочки писали»[3]. Письма в Петроград с повтор-

[1] Письмо Рязановского к Ремизову от 14 июля 1917 г. // РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 180. Л. 29.

[2] Письмо Ремизова к Рязановскому от 2 июня 1917 г. // ОР РНБ. Ф. 634. № 33. Л. 27.

[3] Там же. С. 459–460.

ными просьбами отсылались 14, 22 и 23 июня, в них звучали призывы для осмотра квартиры прибегнуть к помощи Прасковьи Семеновны Воробьевой-Владимировой, жившей неподалеку, на 16-й линии Васильевского острова. В силу своего горячего темперамента Серафима Павловна сделала приписку к письму Алексея Михайловича: «Да что такое, Иван Александрович? Вот уж на Вас я надеялась, что Вы не такой, как все. Обыкновенно люди обещают и ничего не сделают. — Ну, — думала я, — Иван Александрович не такой. ⟨...⟩ Уже 25 дней как уехали мы и за все это время одно письмо, да и в том ничего нет, были ли Вы у нас и т. д. ⟨...⟩ Иван Александрович, не убивайте же во мне последней веры в человека»[4]. Наконец 6 июля письмо Рязановского дошло до Ремизовых: «Да, чтобы не забыть имею честь доложить, что я, хотя и без Прасковьи Семеновны, но был у Вас на квартире, нашел все благополучно: самовары вытряхнуты и все хорошо, только очень жарко и душно»[5]. В следующем письме он снова заверил Ремизовых в благополучии их квартиры и оставленных самоваров. Но это письмо, отправленное 3 июля, было получено Ремизовым только 21-го в Москве, о чем на ответном письме был сделана пометка: «На пис⟨ьмо⟩ 3/4. VII. получ⟨ено⟩ с. Комаров. 10. VII. из Комарова от 15.VII. получ⟨ено⟩ в Моск⟨ве⟩ 18.VII. передано мне 21.VII»[6].

Ремизова не только интересовал вопрос о состоянии квартиры, но и волновали события, происходившие в городе. Перед самым отъездом Ремизовых в Берестовец, 27—29 мая 1917 г., проходили выборы в районные думы Петрограда. Подсчет голосов продолжался несколько дней и закончился уже после того, как писатель покинул город; 2 июня он спрашивал Рязановского: «Кто взял верх у нас на Острове»[7]. Об обстановке в стране и в Петрограде Ремизов узнавал из газет. 7 июля он спрашивал своего информатора: «О событиях тушинских знаем по „Речи“, „Рус⟨ской⟩ Воли“ и „Киевск⟨ой⟩ Мысли“. Иван Александрович, не оставляйте сообщениями. Единственная дума: вернуться домой. Знать о доме — первое, и без этого не может быть уверенности в трудных скитаниях наших»[8]. На том же письме была приписка: «Вчера поздно вечером получ⟨ил⟩ „К⟨иевскую⟩ Мысль“ от 5.VII, где о событиях П⟨етер⟩бургских от 3—4.VII»[9].

В своих посланиях ремизовский конфидент описывал события в городе, свидетелем которых он сам являлся. В июне 1917 г. Рязановский, в прошлом

---

[4] Письмо Ремизова к Рязановскому от 22 июня 1917 г. // Там же. Л. 36–36 об.

[5] Письмо Рязановского к Ремизову от 29 июня 1917 г. // РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 180. Л. 24.

[6] Письмо Ремизова к Рязановскому от 21 июля 1917 г. // ОР РНБ. Ф. 634. № 33. Л. 37.

[7] Письмо Ремизова к Рязановскому от 2 июня 1917 г. // Там же. Л. 27.

[8] Письмо Ремизова к Рязановскому от 7 июля 1917 г. // Там же. Л. 31.

[9] Там же.

окончивший Демидовский юридический лицей в Ярославле, а затем причисленный к 1-му департаменту Министерства юстиции в Петербурге, вновь поступил на службу по тому же министерству и был определен в Главное управление местами заключения, в III Делопроизводство. Он начал служить в петроградской тюрьме «Кресты» и таким образом оказался в эпицентре самых тревожных и опасных событий Петрограда тех дней. Его послания от 29 июня, 3 и 6 июля написаны под непосредственным впечатлением от происходивших в Петрограде беспорядков.

Так, 18 июня 1917 г. именно во время дежурства Рязановского анархисты, занимавшие расположенную по соседству с «Крестами» дачу Дурново, совершили набег на тюрьму, освободив шестерых своих сторонников[10]. При этом налете около 400 уголовников воспользовались обстановкой и бежали из заключения. В письме от 3 июля 1917 г. Рязановский так описывал эти события: «После осады Выборгской тюрьмы 18 июня, когда я был дежурным, пришлось пережить еще бунт в тюрьме (в корпусной), побег партии арестантов со двора и вот с завтрашнего числа меня переводят в пересыльную тюрьму, где сидят 30 анархистов-бомбистов, с которыми очень трудно сладить. Что будет там со мною — не знаю. ⟨...⟩ Например, сегодня ждали бунта всех арестантов в „Крестах“ — всем раздали револьверы. Смешно и глупо: кого мы убьем, себя, что ли, чтобы не даваться в руки живыми. Солдаты караул тюрьмы (83 человека) очень ненадежный элемент, который каждую минуту готов присоединиться к заключенным, а казаков нам не дают. Вот каково положение в наших тюрьмах, обеспечивающих безопасность в обществе: воры не бегут только потому, что не хотят, а начальство унижается перед ними. Вообще наступают последние времена: последние (воры) станут первыми»[11].

Вот что сообщала об этих событиях петроградская пресса: «18-го июня из пересыльной тюрьмы бежало 468 уголовных арестантов. Одновременно из арестного дома бежало 60 арестантов. Побег из пересыльной тюрьмы прошел во время обычного праздничного свидания заключенных с родственниками. Кто-то пустил провокационный слух, что к пересыльной тюрьме направляется громадная толпа для избиения арестантов. Арестанты, давя друг

[10] 18 июня (1 июля) 1917 г. анархисты, занимавшие в то время дачу Дурново, расположенную на Полюстровской (ныне Свердловской) набережной Петрограда, провели общее собрание, на котором решили участвовать в демонстрации против Временного правительства. В тот же день, во время демонстрации, они освободили из тюрьмы «Кресты» своих товарищей. Эти действия послужили поводом для разгрома дачи Дурново правительственными войсками в ночь на 19 июня 1917 г. В результате один из руководителей анархистов, Ш. А. Аснин, был убит, все находившиеся на даче арестованы.

[11] Письмо Рязановского к Ремизову от 3 июля 1917 г. // РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 180. Л. 20–21 об.

друга, бросились к выходу. Тюремная стража не препятствовала их побегу. Привратник даже сам отпер ворота. Из арестованных в тюрьме осталось 312 человек. Когда арестанты пересыльной тюрьмы пробегали мимо арестного дома, они стали кричать содержавшимся, чтобы те также выходили па свободу. В арестном доме брожение началось еще с утра. Арестанты требовали, чтобы их отпустили для участия в манифестации. При виде освобожденных каторжан заключенные в арестном доме снова заволновались. Одному из заключенных предложили пройти к телефону, для переговоров с Исполнительным Комитетом. В тот момент, когда для него приоткрыли двери камеры, все заключенные навалились на нее и вырвались наружу. Арестанты, разбежавшиеся из пересыльной тюрьмы, частью были переловлены немедленно организованными облавами из воинских чинов, частью к вечеру начали сами возвращаться в тюрьму, боясь расправы населения. Удалось арестовать и многих бежавших из арестного дома»[12].

Во время петроградских событий 3—5 июля[13] Рязановский стал свидетелем перестрелок и даже целых сражений. По его словам, был он «под пулями на улице и был свидетелем боя. Позорное, низкое зрелище: русские шли против русских»[14]. В том же письме он делился с писателем мрачными предположениями о собственной судьбе: «Ждут все событий завтра (15 июля)[15] и 18-го. Если останусь жив, напишу Вам, вероятно⟨?⟩ буду цел, если в эти дни меня не пошлют на фронт (в какую-либо тюрьму), как это уже было. Ну умирать ничего, только сразу, а то начнут истязать, как в Нижнем Новгороде, где большевики выкалывали глаза юнкерам, захваченным в плен. Наши стрелки ⟨?⟩ милосерднее, они убивают сразу»[16].

Во время службы в «Крестах» Рязановскому представилась возможность наблюдать нравы и обычаи повседневной тюремной жизни арестантов

---

[12] Петроградская газета. 1917. № 141, 20 июня. С. 4.

[13] Антиправительственные выступления 3–5 (16–18) июля 1917 г. в Петрограде последовали за военным поражением на фронте и правительственным кризисом, связанным с выходом кадетов из состава Временного правительства. Июльские события нарушили неустойчивое равновесие сил между Временным правительством и Петросоветом («двоевластие»). Волнения начались со стихийных выступлений солдат 1-го Пулеметного полка, рабочих петроградских заводов, кронштадтских матросов под лозунгами немедленной отставки Временного правительства и передачи власти Советам. В них непосредственное участие принимали анархисты и часть большевиков. Противоборство левых и правых сил привело к кровопролитию. В ряде мест столицы по демонстрантам был открыт огонь из окон и с крыш зданий.

[14] Письмо Рязановского к Ремизову от 14 июля // РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 180. Л. 28–28 об.

[15] 15 июля 1917 г. в Петрограде должны были состояться торжественные похороны донских казаков, погибших во время июльских событий. Правительство опасалось нового обострения обстановки в городе.

[16] Письмо Рязановского к Ремизову от 14 июля 1917 г. // РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 180. Л. 29.

и охранников. Своими впечатлениями он делился с Ремизовым. Так, 6 июня он писал: «В тюрьме много бытовых интересных наблюдений, могущих дать материал для литературных работ. Одни фамилии чего стоят: Помощник Надзирателя Жигадло, Сапогов, Фаворов. Очень много интересных типов среди арестантов — сливки преступности — от всех концов. ⟨...⟩ Много мог бы сказать интересного, но так утомлен: приходится не спать по целым ночам»[17]. В письме от 29 июня он вновь сообщал: «Много у меня накопилось для Вас материалов „сказов узивых“ ⟨...⟩ Много, очень много интересного, интересна и масса преступников. ⟨...⟩ Сегодня в свободную минуту хочется записать Вам кое-какие материалы»[18]. О том же он информировал Ремизова в письме от 3 июля: «Если увидимся, передам много рассказов из тюремного быта и нравов. Интересна среда маленьких людей, служащих в тюрьме»[19].

Ремизовы возвратились в Петроград 9 сентября. Уже на следующий день Рязановский посетил их на Васильевском острове и, вероятно, в устной беседе дополнил свои рассказы о бурном петроградском лете 1917 г.

Впечатления, отображенные в письмах, а также рассказанные при встречах осенью 1917 г., послужили основой для создания Ремизовым двух произведений, посвященных «тюремной» теме и позднее включенных в цикл «Семидневец». 29 июня Рязановский предлагал писателю уже готовые сюжеты «сказов узивых»: «первый сказ будет „Иван Парфеныч Голубков и его обиталище“, „Регистраторша“, „Иван Исходящий“ ⟨...⟩ Все это продукт моих последних наблюдений»[20]. Предложенное было встречено Ремизовым с воодушевлением, о чем свидетельствует его ответ другу 7 июля: «Иван Александрович, Бога ради, записывайте кратко, ч. б. не забыть. По заглавиям чую и рвусь. Только бы Вам-то не забыть. ⟨...⟩ Пишите, пишите, пишите же!»[21]

Первым среди восходящих к историям Рязановского был рассказ Ремизова «Крестовая барышня», в котором повествовалось о скромной служащей тюремной канцелярии, регистрирующей заключенных в «Крестах». Романтически настроенная девушка влюбилась в молодого арестанта-авантюриста, назвавшегося графом Д'оран-д'ореном. Выбранный другими арестантами старостой, этот аферист получил доступ в канцелярию и начал оказывать юной регистраторше знаки внимания, еще больше влюбляя в себя неопытную девушку. Однако вскоре их «роман» получил резкую и печальную развязку:

---

17 Письмо Рязановского к Ремизову от 6 июня 1917 г. // Там же. Л. 23.

18 Письмо Рязановского к Ремизову от 29 июня 1917 г. // Там же. Л. 24–25.

19 Письмо Рязановского к Ремизову от 3 июля 1917 г. // Там же. Л. 21–21 об.

20 Письмо Рязановского к Ремизову от 29 июня 1917 г. // Там же. Л. 24 об.

21 Письмо Ремизова к Рязановскому от 7 июля 1917 г. // ОР РНБ. Ф. 634. № 33. Л. 31 об.

за появлением жены «графа» следовали горькое разочарование и болезнь героини, а завершил сюжет побег из тюрьмы авантюриста и еще 30 арестованных. Отметим, что схему этого сюжета Рязановский изложил Ремизову в письме от 29 июня: «У нас в канцелярии тюрьмы служит красивая барышня, интересная полька, которая влюбилась в одного арестанта авантюриста, и я медленно, день за днем, слежу за развитием их романа»[22].

Рассказ был написан Ремизовым по свежим впечатлениям от послания Рязановского и в следующем году опубликован. Предложенное Рязановским название рассказа — «Регистраторша» — писатель заменил на иное: «Крестовая барышня». Это и намек на название тюрьмы («Кресты»), в которой разворачивается действие, и отсылка к повести «Крестовые сестры», с персонажами которой Надежду Дмитриевну роднит случившееся у нее «огорчение против мира» [Волшебный мир Алексея Ремизова, с. 24]. Прозрение и взросление Надежды Дмитриевны напоминает подобные же изменения в самосознании героя «Крестовых сестер» Маракулина: «И вдруг Надежда Дмитриевна все поняла и точно в первый раз посмотрела на мир, где цветы цветут и сияют звезды. И каким жестоким показался ей мир цветной и звездный. И в этом жестоком мире жила она» [Зга, с. 420].

В своей работе писатель использовал не только сюжет Рязановского, но и фрагменты его письма: «Теперь я встаю в 4–5 часов утра и ухожу в церковь, там никого нет, кроме нищих, сторожа. Я встаю в угол и думаю, думаю — мечтаю Бог знает о чем»[23]. Сравним с текстом рассказа «Крестовая барышня»: «Поутру, как идти на службу, свернет Надежда Дмитриевна с Симбирской и к Происхождению Честных Древ зайдет, поставит свечку Божьей Матери и молится — так молятся цветы и звезды» [Зга, с. 415]. Ремизов, со своей стороны, оснастил повествование психологическими деталями, усложнил сюжет, включив дополнительные подробности: унижение в трамвае в связи с обвинением в краже кошелька, за которым последовал обыск, болезнь героини как следствие пережитых невзгод и разочарований. «Скелет жизни беден (он прост) — украшение этого механизма — цвет жизни ⟨...⟩ я рассказываю по-своему — украшаю этот скелет, так как для меня рассказанное было скелетом», — объяснял писатель свой метод работы [Кодрянская, с. 87–88].

Два других сюжета, упомянутых в письме Рязановского, очевидно, более подробно были изложены Ремизову при встречах двух друзей.

---

[22] Письмо Рязановского к Ремизову от 29 июня 1917 г. // РО ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 180. Л. 24 об.

[23] Письмо Рязановского к Ремизову от 1 августа 1917 г. // Там же. Л. 32 об.

«Следующий роман, который Вы будете писать, будет написан из тюремной жизни писца Ивана Парфеныча, маленького винтика во всей жизни, но незаметно создающего что-то, его дочери Александре Ивановне и т. д. Только возвращайтесь скорее, а за сюжетами дело не станет, а то [сохнет] потухает и тускнеет воображение», — писал Рязановский[24]. Из этого пунктирного плана, а также из сюжета, названного в письме «Иван Исходящий», сложился рассказ «Изошел», датированный 1919 г. В отличие от «Крестовой барышни», действие в нем перенесено в неназванный провинциальный город. Преданный своему делу служащий тюремной канцелярии Иван Парфенович однажды сталкивается со своим арестованным младшим братом и оказывается в положении, когда, несмотря на долгие годы безупречной службы, он не может отказать тому в противоправной помощи. Герой помогает брату совершить побег, передав, по его требованию, пилку, спрятанную в хлебе. Этот поступок толкает героя, славившегося своей незапятнанной репутацией, к самоубийству.

Ремизов наделяет своих персонажей жизненной силой, облекая голые схемы сюжетов Рязановского живой плотью, привнося в повествование особую сердечность и свое сочувствие этим «создающим что-то» «маленьким винтикам». Его рассказы, написанные «в кипень и неизвестность» революционных дней в Петрограде, продолжают линию, начатую «Крестовыми сестрами», и повествуют о жизни маленьких людей с их переживаниями, надеждами и разочарованиями. Их действие отнесено к дореволюционному или даже к довоенному времени, и драматические события 1917 г. еще не бросают тревожного отблеска на ничем не примечательную жизнь героев.

Как позднее отозвался критик, подписавшийся литерой С., в цикле «Семидневец» «Ремизов постоянно возвращается к милой старине»[25]. Впрочем, и сам писатель вспоминал об особенностях своего творческого метода: «Я всегда писал врозь с темой дня: на Рождество у меня выходило пасхальное, а на Пасху снежит декабрем. В революцию память о минувшем (Московская Русь)» [Кодрянская, с. 127]. Можно предположить, что игнорирование военных и революционных событий и тревог, в равной мере относящееся и к другим произведениям цикла «Семидневец», — сознательный выбор писателя, что, вероятно, связано с компенсаторным механизмом психики человека, пытающегося таким образом преодолеть тяжелые и трагические жизненные обстоятельства.

---

[24] Письмо Рязановского к Ремизову 29 июня 1917 г. // Там же. Л. 24 об.–25.

[25] *С. А.* Ремизов. Трава-мурава; Россия в письменах; Шумы города; Повесть об не Семеновиче Стратилатове; Крашеные рыла // Новое время (Белград). 1922. № 454, 29 окт. С. 5.

Литература

Взвихренная Русь — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 5: Взвихренная Русь. 690 с.

Волшебный мир Алексея Ремизова — Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки / Подгот. Л. В. Герашко, Г. В. Бахарева, А. М. Грачева. СПб.: Хронограф, 1992. 63 с.

Зга — *Ремизов А. М.* Собр. соч. СПб.: Росток, 2015. Т. 11: Зга. 795 с.

Иверень — *Ремизов А. М.* Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга. 2000. Т. 8: Иверень. 701 с.

Кодрянская — *Кодрянская Н. В.* Алексей Ремизов. Париж: [Изд. авт.], 1959. 328 с.

Шумы города — *Ремизов А. М.* Шумы города. Ревель: Библиофил, [1921]. 176 с.

References

Gerashko, L. V. et al., eds. (1992). *Volshebnyi mir Alekseya Remizova. Katalog vystavki* [*The Magic World of Alexei Remizov. Exhibition Catalogue*]. St. Petersburg: Khronograf Publ., 44 p. (In Russ.)

Remizov, A. M. (2000). *Sobranie sochinenii: V 10 t.* [*Collected Works: In 10 vols*]. Moscow: Russkaya kniga Publ. Vol. 5, 690 p.; Vol. 8, 701 p. (In Russ.)

Remizov, A. M. (2015). *Sobranie sochinenii* [*Collected Works*]. St. Petersburg: Rostok Publ. Vol. 11, 795 p. (In Russ.)